

Джон (Пантелеймон)

Мануссакис

Бог после метафизики
(Богословская эстетика)

«О том, что было от начала, что мы слышали, что видели своими очами, что рассматривали и что осязали руки наши» (1Ин.1:1).

Имя, данное мне родителями, – Джон (Яннис) – принадлежало святому, который родился в Киеве, воевал в Русско-Турецкой войне 1710 г., был взят в плен и прожил остаток своих дней в чужой земле и чужой языковой среде. Даже теперь, через много лет после смерти, его нетленное тело покоится на чужом для него, но родном для меня острове Эвбея, где он широко известен как св. Иоанн Русский. Этот перевод я хотел бы посвятить ему и его памяти.

Дж. П. М.

Бостон,

22 августа 2014

Ключевой вопрос этой книги – «Как возможно мыслить Бога *после* метафизики?».

Я не собираюсь заменять старые метафизические категории Божественного (бытие, вездесущие, всемогущество, всеведение, актуальность и вечность) какими-либо новыми. Что меня интересует, так это определенные топосы в истории философии, понятия или парадигмы, которым обычно не уделяют должного внимания, не замечая их или забывая о них. **Такая топология приведет нас к мышлению о Боге личностном, а не концептуальном; о Боге, соотносящемся с нами через икону и просопон ; о Боге, пребывающем в темпоральности *кайрос* и внезапно являющемся Себя в момент *эксайфнес***

**Питер Пауль Рубенс, Ян Брейгель
Старший, Зрение, 1617**

О Боге, познаваемом скорее
доксологическим *ЯЗЫКОМ* хвалы и музыкой
песнословий, чем
систематическим *ЛОГОСОМ* и теологией (**часть
2. Слух**).

О Боге, Который прикасается к нам и скандально приглашает нас прикасаться к Нему, – и в этом перекресте прикосновения открывается совершенно новое измерение познания, в свете которого бессильно блекнет пропасть субъект-объектного дуализма, разрыв между Собой и Другим.

(часть 3. Осязание)

«При посещении музея Прадо мне довелось оказаться в так называемой «комнате пяти чувств». Таким образом аллегорические полотна Брейгеля очутились в предисловиях к каждой из частей этой книги. Из этих картин я почерпнул для себя немало нового – в том числе, об аллегории и анагогии, – но, главное, они научили меня, как то, что не может быть показано, становится видимым, будучи спрятанным на самом видном месте. Так в Брейгеле я узнал своего предшественника в области богословской эстетики: то, чего он добился в живописи, мы в настоящей книге стремимся достичь в философии».

«Наше предприятие состоит в попытке освободить Бога от навязанной Ему метафизикой трансцендентности (*эпекина*), учась распознавать образы Его прикосновения к нашей имманентности (*энтафта*) – то есть концентрируясь на Воплощении».